

Джордж Райт

Подлинная история Синей Бороды

Цзавель осталась в замке огня.

Ну то есть, конечно, не в буквальном смысле огня. Даже после того, как ее супруг уехал на охоту со своими псарями и загонщиками, в поместье все еще оставались слуги – но они были не в счет. Не потому даже, что Цзавель врезговала поговной публичкой – происходя хотя и из старинного, но, по правде говоря, совсем небогатого рода, она была воспитана в скромности и с детства не была приучена задирать нос, а держалась с очень немногочисленной прислугой в родительском доме запросто, по-семейному. Старик садовник и его жена, старая кухарка, у которых Цзавель, можно сказать, выросла на руках – во всяком случае, они уделяли ей больше внимания, чем ее мать, строгая постная дама, вечно страдавшая мигренями, и отец, скончавшийся, когда девочке не было и семи – были для нее все равно что дядюшка и тетушка, а горничная, хохотушка Анна, сделалась для нее лучшей подругой, близкой, словно родная сестра (у Цзавель было также и двое старших братьев, но они относились к ней со свойственной возрасту и полу пренебрежительной снисходительностью, не посвящая девочку в свои мальчишеские забавы). Позже, впрочем, до невинных ушей Цзавель дошел гаденький слух, будто Анна действительно приходится ей сестрой, плодом греховной связи ее отца и горничной ее матери. Так это или нет, сказать наверняка не мог уже никто, ибо мать Анны к тому времени уже также упокоилась в могиле, но Цзавель, хотя и отвергая с возмущением гнусную сплетню, с тех пор нет-нет да и обращала внимание на сходство черт меж собою и Анной, с годами, казалось, становившееся все заметнее. Однако, при всем несомненном сходстве наружности, характеры двух девушек являли собой едва ли не полную противоположность. Цзавель росла скромницей и тихоней, в то время как Анну с детства отличал озорной и легкомысленный нрав. Что, впрочем – в полном соответствии с представлением о притяжении противоположностей – ни-

чуть не мешало их дружбе, как не мешали ей ни разница в положении, ни даже вышеупомянутая сплетня.

Однако ни скромность, бесспорно украшающая всякую благородную девицу, ни еще более бесспорная милосердность черт (лишенных пороchoй яркости, которую так ценят в столицах, зато проникнутых свежим очарованием провинциальной невинности), увы, никак не помогли Цзавель найти жениха. Никто из разборчивых окрестных дворян не желал брать фактически бесприданницу. Так что Цзавель, которой исполнилось уже 22 – возраст, в ее краях почитавшийся для незамужней девицы уже почти неприличным – оставалось лишь печально вздыхать над рыцарскими романами, которые для нее втайне от ее матери, считавшей подобное чтение неподобающим для девушки, неведомо откуда доставала Анна.

И вдруг все переменилось, словно по волшебству! К Цзавель посватался человек, считавшийся одним из самых богатых баронов Бретани. Поначалу, однако, это, казалось бы, безусловно счастливое известие наполнило ее не радостью, а тревогой и даже, откровенно говоря, страхом. И дело было не в том, что жених был более чем вдвое старше невесты и при этом совершенно ей незнаком – это-то как раз было делом совершенно обычным и естественным – а в его злобещей репутации. Говорили, что он алхимик и чернокнижник (благодаря чему и сколотил свое богатство, научившись превращать любой металл в золото), что в своем уединенном замке посреди туманного леса Броселианд он творит богопротивные дела и что, возможно, он даже и вовсе не человек, ибо очень уж он страшен собою, и даже борода у него синего цвета. Анна, всегда с удовольствием пересказывавшая сплетни, прибавляла также, что служат ему живые мертвецы, поднятые им из могил, и что, главное, он был женат уже дважды, однако после того, как он увозил очередную жену в свой замок, больше ее никто никогда не видел.

Цзавель пыталась отшучиваться, говоря, что Анна просто завидует, но на душе у нее было неспокойно. Тем не менее, она понимала, что ее мать, уже почти потерявшая надежду пристроить дочь, ни за что не позволит ей

отказаться от столь выгодной партии, и старалась настроить себя на лучшее. И первая встреча с женихом как будто и впрямь показала вздорность мрачных слухов. Барон оказался отменно учтив и вовсе не уродлив собой, вопреки тому, что о нем говорили – и к тому же тщательно выбрит. Но Цзавель, весь вечер внимательно всматривавшаяся в его лицо, не могла отделиться от впечатления, что различает синеву сквозь бледную кожу его подбородка.

Словно чувствуя ее колебания, он пригласил будущую невесту вместе с ее матерью погостить в его замке прежде, чем будет принято официальное решение об обручении (Анну, разумеется, тоже взяли с собой). Гостей ожидали роскошные пиры, чарующая музыка, конные прогулки по лесу (в солнечную погоду оказавшемуся вовсе не таким злобещим) и охота. На третью ночь, однако, прежде чем раздеть свою госпожу ко сну, Анна возбужденно зашептала ей, что Цзавель совершенно напрасно ей не верила, потому что все музыканты их любезного хозяина – мертвые. "Что за вздор ты городишь, Анна! – возмутилась Цзавель. – Они чудесно играют!" "Чудесно или нет, а ни один из них не живой! Вам, может, из-за господского стола плохо видно, а я весь вечер наблюдала за ними в щелку – ни один из них не дышит и не моргает! Я могла бы даже подойти к кому-нибудь из них и взять за руку – уверена, она была бы холодная, но... очень уж я покойников боюсь!"

Цзавель отказалась принимать ее слова на веру, но на следующий день внимательно наблюдала за квартетом, игравшим на обрамленном ширмами помосте, отделенном от основного зала – и поняла, что ее горничная права. Музыканты действительно не моргали и вообще не совершали никаких телодвижений, естественных для живых людей. Только сидели с безупречно прямыми спинами и идеально точными движениями касались струн и клавиш. Навравшись храбрости – в залитом светом люстр зале и в присутствии матери это казалось не столь страшно – Цзавель прямо спросила об этом хозяина.

– Вы очень наблюдательны, мадемуазель, – с поклоном улыбнулся он. –

Разумеется, мои музыканты не живые. Это автоматы, весьма искусно сделанные механические куклы. Принцип, по сути, тот же, что и у музыкальной шкатулки, только устройство более сложное. Пожалуй, надо внести изменения в их конструкцию, дабы научить их моргать и время от времени менять позу. Прежде мне не приходило это в голову.

- Они и сейчас выглядят удивительно правдоподобно, - заметила мать Цзавель. - Их лица и руки совсем не похожи на фарфоровые, или из чего там обычно делают куклы.

- Они обтянуты настоящей человеческой кожей, особым образом выделанной, - невозмутимо подтвердил барон. - Волосы тоже настоящие. Но это, разумеется, не должно вас смущать. Вот вы, мадам, носите на шее ладанку с мощами и не находите же в этом ничего зловещего?

- По-моему, это неуместное сравнение, - строго возразила пожилая дама.

- Прошу прощения, мадам, я никоим образом не хотел задеть ваши чувства. Я могу привести примеры, и не затрагивающие религию. Так, во многих университетских библиотеках есть книги в переплете из человеческой кожи... Впрочем, едва ли за столом с дамами стоит обсуждать такие темы. Попробуйте-ка лучше это вино, не правда ли, оно превосходно?

Соображение, что автоматы обтянуты кожей, содранной с мертвецов (а может, даже и с живых людей - кто знает, что входит в "особую выделку", мелькнула у Цзавель совсем уж дикая мысль), не доставило девушке удовольствия, но то ли вино, то ли приятно журчащий голос хозяина действовали так успокаивающе и расслабляюще, что неуютное чувство вскоре забылось. После двух недель, проведенных в гостях - и полученных от барона подарков, свидетельствовавших как о богатстве, так и о вкусе хозяина - Цзавель еще не была уверена, влюблена ли она в своего жениха, но, во всяком случае, уже не сомневалась, что ее брак будет удачным, а зловещие слухи о "Синей Бороде" распускают вздорные люди, завидующие его состоянию. Что касается матери Цзавель, то ее тем паче не нужно было уговаривать. Одна

только Анна упрямо сохраняла предубеждение против Синей Бороды, хотя обе хозяйки, старшая и младшая, запретили ей "молоть вздор".

После свадьбы, справленной со всею подобающею торжественностью, барон (в отличие от многих, увы, мужей) не сделался менее учтив и любезен. Он не отличался страстностью, свойственной героям рыцарских романов, но окружил молодую супругу нежной заботой, что, по здравом размышлении, устраивало скромную Цзавель даже больше. Он дарил ей платья и украшения, какие не стыдно было бы носить и при дворе герцога Бретонского, и даже (поскольку Цзавель так и не смогла преодолеть своего предубеждения по отношению к музыкальным автоматам) время от времени приглашал для ее развлечения в замок живых артистов. Поначалу Цзавель не могла нарадоваться на такие перемены в своей жизни. Правда, теперь ей время от времени по утрам доводилось увидеть супруга невритым, и она убедилась, что щетина у него действительно синяя, причем это никак нельзя было списать на игру света или воображения. Но она сочла, что это всего лишь каприз природы и что, пожалуй, синяя борода должна быть скорее красива, чем уродлива. Навравшись смелости, она попросила мужа отпустить бороду, дабы она могла проверить эту гипотезу. Тот рассмеялся и ответил, что непременно так и сделает, если это доставит ей удовольствие.

И только Анна, последовавшая, разумеется, за своей госпожой и подругой в лесной замок, не желала радоваться новой жизни. И куда только девалась ее обычная веселая беззаботность! Она упорно твердила, что в замке нечисто, что барон — колдун или кто еще похуже, а слуги его — живые мертвецы. Объяснение про автоматов (коими были лишь музыканты, а не вся прочая прислуга, умевшая и ходить, и говорить, и моргать) ее не удовлетворяло: Анна настаивала, что ей "совершенно точно" рассказали в ближайшей деревне, что Синяя Борода, сам или через нанятых им людей, забирает в свой замок умирающих, от которых отказались все лекари и которых уже даже соборовали, а то и вовсе выкапывает свежие трупы в ночь после похорон — и будто бы именно так и пополняется штат его прислуги. Цзавель полагала,

что Анна злословит по причине своего собственного разочарования, ибо, отправляясь следом за госпожой к новому месту жительства, служанка, несомненно, надеялась устроить и свою судьбу, сойдясь с каким-нибудь молодым симпатичным псарем или конюхом – но не преуспела. В то же время, однако, Цзавель не могла не признать, что слуги Синей Бороды и в самом деле были странноватыми. Их было меньше, чем можно было ожидать у столь богатого хозяина (особенно тех, что проживали вместе с ним в самом замке, а не лишь сопровождали на выездах), в основном это были люди не первой молодости, а главное – всем им была свойственна чрезвычайная замкнутость и молчаливость, словно они и в самом деле не так уж отличались от автоматов. (Порою Цзавель, наслушавшись Анну, даже ловила себя на желании схватить кого-нибудь из них за руку, дабы ощутить тепло живой плоти и биение пульса, но это было бы, конечно, верхом неприличия.) Не то чтобы люди барона можно было упрекнуть в непочтительности к новой госпоже, но они, кажется, старались вообще не попадаться ей на глаза. Неудивительно, что Анне не удалось завязать ни с кем из них не то что романтических, а и простых дружеских отношений. Соответственно, и сама Цзавель лишена была возможности запросто поболтать с прислугой в минуту скуки, как она привыкла в родительском доме.

А такие минуты, надобно признать, случались все чаще. Жизнь в лесном замке текла уединенно; барон не приглашал гостей и сам не наносил светских визитов. Платья и драгоценности все меньше радовали Цзавель, ибо их решительно не перед кем было надеть – не перед заезжими же артистами красоваться, в самом деле? К ее услугам была обширная библиотека барона, но там совсем не было ее любимых рыцарских романов – книги были по большей части серьезные и слишком скучные для девушки, получившей обычное провинциальное воспитание. Когда она пожаловалась на это мужу, тот обещал ей выписать последние модные сочинения, но все равно, придуманные приключения не могли заменить ей реальную жизнь. Супруг не мог проводить с ней все время, а периодически и вовсе надолго уезжал по каким-то своим делам,

оставляя жену скучать в одиночестве – одиночестве тем более полном, что Анна, и без того давно уже не столько веселившаяся, сколько раздражавшая свою госпожу постоянными жалобами и мрачными рассказами, в конце концов вовсе покинула ее. Сперва Анна отпросилась навестить старую больную тетку (единственную свою еще живую родственницу), а затем прислала записку (выведенную аккуратным почерком деревенского писца, ибо сама Анна не очень хорошо владела грамотой), что-де тетушка ее совсем расхворалась, а поскольку на старости лет она осталась совершенно одна, то она, Анна, вынуждена остаться ухаживать за нею. Цзавель не была уверена, правда это или всего лишь благовидный предлог, дабы не возвращаться в замок Синей Бороды, столь пугавший ее суеверную подругу.

Барон, конечно, предоставил своей жене новую горничную, но та годилась на роль подруги и конфидентки ничуть не больше, чем прочие его слуги и, по правде говоря, скорее пугала и без того уже невеселую Цзавель. Ее звали Елена, внешнеюстью она походила на цыганку – смуглая, с черными кудрявыми волосами и черными глазами, взгляд которых, казалось, сулил беду. Она исправно исполняла свои обязанности, но никогда не улыбалась и не говорила ни слова – Цзавель поначалу сочла, что она вовсе немая, но потом услышала, как Синяя Борода говорит с ней на каком-то неведомом языке. Он поведал Цзавель, что выкупил Елену из турецкого рабства, и потому она предана ему столь же беззаветно, как и все прочие его слуги, каждый из которых обязан ему весьма многим, "и, стало быть, вы можете полностью на нее полагаться". Цзавель, однако, логика этого вывода показалась не столь уж и бесспорной.

И вот на фоне всего этого супруг вдруг лишил Цзавель чуть ли не последнего способа развеяться, отказавшись взять ее с собой на охоту! Цзавель не умела ни стрелять, ни уж тем паче разить зверя копьем на старинный манер, однако эти поездки, вносившие оживление в чересчур спокойную и размеренную жизнь поместья, доставляли ей немалое удовольствие. Но теперь Синяя Борода объявил ей, что это слишком опасно: в лесу-де завелся

огромный венгр, встреча с которым уже стоила жизни супруге одного из окрестных дворян, и потому ей, Цзабель, лучше оставаться дома.

Итак, она осталась одна, терзаемая хандрой и скукой, и стояла теперь, тербя тяжелую связку ключей и пытаясь придумать себе занятие. Здесь были ключи и от верхних помещений сторожевых башен, где в былые, менее спокойные времена несли службу у воинов лучники и откуда теперь лишь открывался живописный, но несколько однообразный вид на простиравшийся до горизонта лес Броселианд, и от кладовых, полных разнообразной снеди, и от винных погребов, и от сокровищницы, где хранились золото и драгоценности, и...

Внезапно Цзабель замерла, когда в руках у нее оказался маленький золотой ключик с необычной, не похожей на другие бородкой. Она никогда не держала его в руках прежде, но знала, какую дверь он открывает – тяжелую полукруглую дверь в дальнем конце подземелья. Это было единственное помещение, куда ей доселе не было хода. Синяя Борода сказал ей, что там находится его лаборатория, и что она никогда не должна входить туда, поскольку для непосвященного это опасно. Тогда Цзабель, все еще пребывавшая во власти очарования медового месяца, с легкостью пообещала ему это, но ее супруг, не удовольствовавшись одним лишь обещанием, при всяком своем отъезде из дома неизменно отстегивал ключик от общей связки и забирал с собой. Но вот теперь он – возможно, отвлеченный мыслями о лесном венгре – очевидно, забыл это сделать.

Некоторое время Цзабель стояла, не зная, на что решиться, пока благоразумие и любопытство боролись в ней; но всякий, знающий женскую натуру, увы, слишком хорошо понимает, что именно поведило. Итак, с ключами в одной руке и канделябром в другой (ибо она здраво рассудила, что в подземельном помещении должно быть темно) Цзабель на цыпочках устремилась к ведущей вниз лестнице, надеясь не встретить по пути ни Елену, ни кого-либо еще из преданных Синей Бороде слуг.

Ей удалось добраться до заветной двери незамеченной. Она вставила

ключ в замок, все еще не до конца уверенная, что такой маленький ключик отперет такую тяжелую дверь, но не успела она даже повернуть его, как раздался мягкий щелчок, и дверь отворилась сама собой, словно ключ был волшебный.

Цзунтридохнуло холодом (что было, впрочем, вполне естественным для подземелья), и там и в самом деле было темно – а едва Цзавель ступила внутрь, как дверь так же сама собой затворилась за ее спиной, сделав тьму совсем уже полной. И в тот же самый миг Цзавель увидела в этой темноте призрачную полупрозрачную фигуру в белом одеянии со свечой в руке. Вскрикнув от испуга, Цзавель отшатнулась, но призрак повторил ее движение, и она поняла, что то было не привидение, а всего лишь ее собственное отражение в каком-то большем стекле, но не зеркальном, а прозрачном. Она устремилась к этой стеклянной преграде, за которой угадывалось что-то еще, но отражение мешало ей разглядеть, что же находится за стеклом. Однако, когда Цзавель подошла ближе, за стеклом вспыхнул холодный белый свет, не похожий на свет свечи или масляной лампы, озарив картину столь ужасную, что горло Цзавель перехватило спазм, и она не могла уже ни кричать, ни даже вздохнуть.

За стеклом висели два женских тела. Совершенно обнаженные, если не считать опутывавших их веревок... или нет, не веревок, а скорее каких-то гибких трубок, одним концом уходивших в стену, а другим – прямо в мертво-бледную плоть. Но самое страшное – у обеих женщин не было голов!

Теперь Цзавель поняла, куда делись предвсущие жены Синей Бороды – и какая участь, очевидно, ожидает и ее, особенно если ее супруг узнает, что она нарушила запрет и проникла в его тайну. Она знала, что должна бежать, но по-прежнему не могла ни вздохнуть, ни двинуться. В глазах у нее потемнело, и она повалилась на холодный пол.

Очнувшись, Изабель поняла, что лежит уже не на полу, а на кровати, которая, впрочем, была слишком жесткой, чтобы оказаться периною ее спальни. В воздухе стоял странный запах, а когда она осторожно приоткрыла глаза, то первым, что она увидела, была синяя борода барона склонившегося над ней на фоне сводчатого потолка подземелья.

- Смилуйтесь, мессир! - взмолилась она в отчаянии. - Я еще слишком молода, чтобы умирать!

- Ты не умрешь, - ответил он (доселе он всегда обращался к ней на "вы"). - Во всяком случае, я сделаю все, чтобы не допустить этого снова.

- Снова? - потрясенно повторила Изабель; ей тут же припомнились рассказы Анны о том, что всю свиту Синей Бороды составляют оживленные мертвецы. - Что вы такое говорите, мессир?

Барон вздохнул.

- Мне нужно многое объяснить тебе, - сказал он, - так что слушай внимательно, каким бы невероятным ни казалось тебе то, что ты услышишь. И помни - сейчас ты в безопасности.

Это "сейчас" не очень успокоило Изабель, но она приготовилась слушать, всем своим видом являя покорность своему господину.

- Видишь ли, - продолжал тот, - на самом деле ты умерла три года назад. Несчастный случай на охоте.

- Но такого же не может быть! - воскликнула она, мигом забыв о своей решимости слушать и не перебивать. - Три года назад я еще жила в родительском доме и даже не слышала о...

- Ты просто не помнишь, - снова вздохнул барон. - Мне удалось вернуть к жизни твой мозг, но, увы, не без побочных эффектов. Механизм преобразования краткосрочной памяти в долговременную...

- Молю вас, мессир, - вновь перебила Изабель, для которой его слова звучали почти что магической тарабарщиной, - скажите, кто вы? Человек или демон, явившейся забрать мою душу?

- Я такой же человек, как и ты, - ответил Синяя Борода. - В каком-то смысле, пожалуй, даже в большей степени, чем... но, наверное, эту историю лучше все же рассказывать с самого начала. А началась она более тысячи лет назад, в пятом веке по нынешнему летосчислению. После того, как христианская религия сделалась государственной, ее фанатичные приверженцы быстро превратились из гонимых в гонителей и принялись уничтожать великую античную цивилизацию, превзойдя в своем остервенении любых варваров. Все сокровища науки и культуры языческого мира объявлялись ими бесовскими и греховными. Они жгли книги, разрушали храмы и статуи, но от их рук гибли не только неодушевленные предметы. После того, как толпа, науськанная епископом александрийским Кириллом - будущим святым христианской церкви - с чудовищной жестокостью растерзала заживо Ипатию, мудрейшую из женщин того времени, философа, астронома и математика...

Изабель слушала с изумлением - то, что женщины могут заниматься подобными науками, потрясло ее гораздо больше, нежели непочтительные слова о христианах

- ... часть еще остававшихся в живых ученых пришли к выводу, что существует лишь один способ сохранить свет знания в наступающих темных веках - уйти в глубокое подполье и продолжать развивать науку и прогресс втайне от за-

хвативших мир варваров. Так было создано общество Гермеса. И все эти столетия, пока человечество не просто остановилось в своем развитии, но и было отброшено далеко вспять, мы продолжаем двигаться вперед, достигая результатов, которые нашим невежественным современникам могут казаться лишь черной магией - хотя они лишь следствие познания законов природы...

- Автоматоны, - пробормотала Изабель.

- О, это далеко не самое впечатляющее из наших достижений, - ответил Синяя Борода почти пренебрежительно, - хотя, признаюсь, они устроены... не совсем так, как я говорил тебе прежде. Это не механические куклы, приводимые в действие пружинами и шестеренками - хотя такой путь мы тоже испробовали, ты, возможно, слышала легенду о Големе...

- Будто бы некий еврейский чернокнижник из Праги создал ужасного человека из глины?

- Не из глины, а из глинозема - точнее, из алюминия, выплавленного из него. Это такой металл, легкий и нержавеющий, гораздо более удобный для подобных конструкций, чем железо... но все равно механизм получился чересчур громоздкий и неуклюжий. То есть сконструировать на такой основе самодвижущуюся тележку несложно - но вот именно человека, точнее, его подобие... Ты просто не представляешь себе, насколько на самом деле неустойчива двуногая фигура с высоко расположенным центром тяжести, и скоординированных усилий какого количества мышц требуют самые, казалось бы, простые и естественные позы и движения. Поэтому более перспективным был сочтен другой путь - не пытаться сконструировать с нуля то, что уже сделано природой, а просто воспользоваться ее продуктом. Брать готовые тела, удаляя из них все лишнее - внутренние органы, жировую ткань и так далее - но оставляя опорно-двигательный аппарат - скелет и мышцы...

- М-мертвые тела? - пугливо уточнила Изабель.

- Разумеется, - спокойно ответил Синяя Борода. - Главная проблема в том, как уберечь нужные нам ткани от разложения, сохраняя при этом их электрические и эластические свойства, но ее нам удалось решить. Ну а после этого задача сводится к тому, чтобы от батареи, размещенной на месте удаленных внутренностей, подавать электрические импульсы на мышцы, заставляя их сокращаться подобно тому, как это происходит в живом теле... Ах да, ты ведь не знаешь, что такое электричество. Это та же сила, которая ответственна за разряды молний, только в данном случае намного более слабая...

- Значит, это правда, что все ваши слуги... на самом деле... - пролепетала Изабель.

- Что? Мои слуги? Не-ет, - рассмеялся Синяя Борода, когда понял, что она имеет в виду. - Автоматоны - по крайней мере, на данном этапе - не имеют мозга, они способны выполнять лишь простые, жестко запрограммированные действия. А мои слуги - самые обычные люди. Просто в свое время я вылечил их от болезней, которые не умеют лечить современные врачи... точнее, надутые невежды, имеющие наглость называть себя врачами в вашем мире. Поэтому они, то есть эти люди, спасенные мною от смерти, преданы мне больше, чем кто-либо, служащий ради жалования.

- А ваши предыдущие жены... они...

- Их мне, к сожалению, спасти не удалось, - помрачнел барон. - Они умерли, умерли необратимо. Первую из них я взял пятнадцатилетней девочкой, уже

зная, что она смертельно больна - собственно, взял именно ради того, чтобы спасти, а заодно и научиться спасать других с тем же диагнозом. По сути, это не был настоящий брак, я не делил с ней ложе. Мне просто нужно было, чтобы она круглые сутки находилась под моей опекой и наблюдением. Будь она крестьянкой, никто бы и глазом не моргнул, что я взял ее в дом, но дворянскую девушку я не мог поселить под своей кровлей, не скрепив это браком - люди так лицемерны... Но увы, мои надежды исцелить ее потерпели крах. Перед лейкемией даже мы все еще бессильны.

Синяя Борода замолчал, и Изабель отважилась поторопить его:

- А ваша вторая жена...

- Там была совсем другая история, - вздохнул он. - Я выбрал ее за ум в надежде сделать новым членом общества Гермеса и моей ближайшей помощницей в научной работе. Но, к сожалению, бремя знания оказалось слишком тяжело для нее. Ведь ей открылись не только знания, которыми владеем мы, но и вся степень дикости и невежества окружающего мира, изменить который мы не можем, даже если б хотели...

- А вы не хотите?

- Любые знания, которыми мы могли бы поделиться с человечеством, оно обратит во зло, - пожал плечами Синяя Борода. - Те же автоматы могли бы заменить людей на нудных и тяжелых работах, но для чего используют их ваши короли? Только для того, чтобы снова и снова посылать в бой однажды уже убитых солдат, сея все больше смерти и разрушения. Металлы, неведомые в современном мире, будут употреблены для производства оружия. Электричеством станут убивать. Средства исцелять болезни переделают в средства, вызывающие их. И так во всем. Если, конечно, нас вообще станут слушать, а не объявят сразу же колдунами и не расправятся, как с Ипатией. Нас слишком мало, и для собственной защиты мы можем создать оружие, позволяющее отбиться от сотни или тысячи солдат, но не от всех армий мира. Мы много спорили об этом с Александриной - так звали мою вторую жену - и поначалу она горячо возражала мне, но в конце концов признала мою правоту. После чего... пошла и повесилась. Оставив записку: "Я была слепа - и думала, что живу в прекрасном саду; вы открыли мне глаза - и я увидела вокруг лишь бескрайнюю помойку. Лучше бы мне всегда оставаться слепой." К сожалению, я нашел ее слишком поздно. Мне удалось вернуть ее тело к жизни, но мозг, который я так ценил, уже необратимо погиб. Да и, наверное, я и не имел права воскрешать ее вопреки ее воле... Но, - добавил он после паузы, - благодаря ее телу жива и ты.

- Как это, мессир?

- Тебя я хотел уберечь от любых опасностей и потрясений. Не повторять прошлых ошибок, сделать из тебя просто обычную идеальную жену провинциального барона. Но - во время охоты весть испугал твою лошадь, она понесла, и ты ударилась о нависший над землей крепкий сук, который перебил твою гортань и сломал шею... Ты умерла у меня на руках там, в лесу. Тогда я вскрыл твою грудную клетку и всю обратную дорогу до замка проводил прямой массаж сердца, по очереди сжимая его то одной, то другой рукой, чтобы продолжать снабжать твой мозг кислородом. Благодаря этому он не погиб окончательно. Но твоё тело уже не годилось для жизни. К счастью, в моей лаборатории все еще сохранялось тело Александрины. Я похоронил ее голову, но продолжал поддерживать жизнь в теле - не внешнюю иллюзию жизни, как в

автоматонах, а полноценную работу всех органов. Раз уж я все равно не смог ее спасти, я использовал ее смерть во благо науки - с целью научиться сохранять тело живым неограниченно долго, дабы его органы были пригодны для трансплантации. В итоге же я провел всем трансплантациям трансплантацию. Я пересадил твою голову на ее тело. Это была первая в мире такая операция.

- Мою... ее... - потрясенно пробормотала Изабель, недоверчиво ощупывая себя. - Значит, это все на самом деле - Александрины?!

- Нет, - покачал головой Синяя Борода. - Поначалу мне казалось, что операция прошла безупречно, но потом выявились побочные эффекты. Тело отторгает чужие органы - в том числе и чужую голову. Мне казалось, что я научился подавлять этот процесс, но... это был лишь временный успех. Тело Александрины продержалось лишь два месяца. После этого спасти тебя могла только новая пересадка. Но я уже был готов к такому развитию событий и позаботился о новом теле заранее...

- Где вы его взяли? - требовательно спросила Изабель. - Вы кого-то... - она не осмелилась договорить.

- Нет, я никого не убивал, если ты об этом. Это вообще против моих принципов, иначе чем мы будем отличаться от них всех... Я лишь купил у палача тело казненной преступницы.

- Выходит, у меня теперь сердце убийцы?!

- Нет, - вновь покачал головой барон. - Хотя это совершенно не должно тебя беспокоить. Вся личность человека, все его мысли и чувства находятся в мозгу, а сердце - это только мышца для перекачки крови. Но, в любом случае, того тела хватило только на шесть месяцев. Потом пришлось провести третью операцию. Но я еще усовершенствовал методику, и с тех пор ты жива и здорова. Уже более двух лет.

- Выходит, - сообразила Изабель, - те обезглавленные тела, которые я видела - это на самом деле мои предыдущие? Зачем вы их храните?

- Для научных целей, - ответил Синяя Борода после короткой паузы.

- Но все-таки, почему я ничего обо всем этом не помню?

- Это не связано с пересадками. По всей видимости - только с тем, что твой мозг слишком долго оставался без кислорода после твоей смерти. То, что я делал, пока вез тебя в замок, было все же слишком плохой заменой естественной работы сердца и легких... Ты помнишь все, что было с тобой до того дня, но утратила способность усваивать новые воспоминания. Уже три года каждый новый день для тебя начинается с чистого листа. Я еще не потерял надежду исправить это, но пока - увы... Впрочем, что касается самих операций, то я и не хотел, чтобы ты о них помнила. Давал тебе лекарства, чтобы ты спала, пока все не заживет - так оно было и безопаснее. И подарил золотое кольцо, попросив никогда его не снимать - чтобы ты не видела шрам на шее.

Изабель видела это кольцо всякий раз, когда смотрелась в зеркало. Ощущение металла на шее стало настолько привычным, что она не обращала на него внимания. Но как и когда был сделан этот подарок, она не помнила.

- Моя матушка еще жива? - требовательно спросила она.

- Да. И братья тоже. Никто из них, разумеется, не знает, что с тобой случилось. Время от времени ты пишешь им письма.

- А Анна?

- Я ничего не знаю о твоей служанке с тех пор, как дал ей денег, чтобы она

уехала.

- Вы это сделали! - возмущенно воскликнула Изабель, позабыв свою обычную почтительность.

- Ей в любом случае здесь не нравилось. И при этом она готова была совать нос, куда не следует, и распускать сплетни. Всем стало только лучше, что она уехала.

- Кроме меня, - пробурчала Изабель и тут же спросила: - А я - сколько раз уже совала свой нос? В который уже раз вы рассказываете мне все это?

- В первый, - улыбнулся Синяя Борода. - Доселе я... не забывал свой ключ.

- Но, проснувшись завтра утром, я все равно ничего из этого не буду помнить, - мрачно констатировала Изабель.

- Вероятно, да.

- Вот почему вы не боитесь рассказывать мне все ваши секреты, - поняла она.

- Спрашивай, о чем хочешь, - улыбнулся барон.

- А... почему у вас синяя борода? - выпалила Изабель, словно именно это было сейчас важным. - Это знак принадлежности к вашему тайному обществу?

- Нет, - усмехнулся ее супруг, - тайное общество не может иметь столь наглядных знаков. Это последствия одного научного спора. Мои уважаемые оппоненты полагали, будто гены животного не могут быть успешно внедрены в человеческий организм. Причем несмотря даже на то, что подобный перенос уже был осуществлен между разными видами животных. Увы, даже образованнейшим из людей все еще слишком хочется верить в человеческую исключительность... Я заключил пари и доказал им их неправоту, внедрив себе ген, отвечающий за пигментацию перьев голубой сойки. Вообще-то, конечно, с моей стороны это было неосмотрительно. Мне не стоило обзаводиться столь приметным отличием. Хорошо еще, что это коснулось только волос на лице - о чем я на тот момент не знал - а не всех вообще. Но - я был тогда молод и горяч, а их упертость очень уж меня разозлила...

- А что такое "ген"?

- Единица наследственной информации. Упрощенно говоря, слово из текста, описывающего устройство человеческого тела... и вообще любого организма.

- И где написан этот текст?

- В каждой клетке тела. Клетка есть мельчайший элемент живого, она столь мала, что увидеть ее можно только с помощью специальных приборов.

- А на каком языке этот текст? На латыни?

- Нет, конечно же, - рассмеялся Синяя Борода. - На языке химических соединений. В нем всего четыре буквы - но это не символы на бумаге, к которым ты привыкла. Это... но чтобы объяснить тебе суть этих букв, надо прежде рассказать, что такое атомы и как они соединяются в молекулы...

- Расскажите, мессир!

Она расспрашивала его еще долго о тех невероятных и поразительных вещах, которые он мог рассказать - и каждый ответ порождал лишь новые вопросы - но в конце концов почувствовала, как ее одолевает усталость, вызванная, очевидно, всеми потрясениями этого дня. Изабель отчаянно противилась этому чувству, помня, что стоит ей заснуть - и она забудет все, что успела узнать, но в конце концов ее веки все же сомкнулись прямо посередине очередного вопроса, так

и оставшегося неоконченным. Синяя Борода поднял ее легкое тело на руки и отнес наверх в ее спальню, а затем вернулся в лабораторию, дабы проверить результаты взятых анализов.

Эти результаты заставили его нахмуриться и мрачно покачать головой.

На самом деле он не был до конца откровенен с Изабель. В частности, ключ он, конечно, не забыл, а оставил на связке специально. До сих пор он старался создать для Изабель максимально комфортные условия, но убедившись, что это тупиковый путь, решил сменить методику в надежде, что сильное эмоциональное потрясение поможет восстановить ее способность к запоминанию. К тому же ему хотелось проверить, что в ней победит - покорность некогда данному обещанию или же любопытство, и результат был явным плюсом в его глазах. И то, с каким все возрастающим интересом она расспрашивала его, возрождало надежду, что она еще сможет стать для него тем, кем не стала Александрина - надежду, угасшую было, когда она не проявила интереса к книгам в его библиотеке. Нужен был лишь толчок, чтобы пробудить в ней жажду знания... Огорчило его, конечно же, не это, а ухудшение ее физического состояния, которое сама Изабель, очевидно, приняла лишь за следствие нервного перевозбуждения, но анализы говорили иное. Вопреки его надеждам, воспалительный процесс снова начал развиваться, и, похоже, очередное отторжение было неминуемо. Впрочем, он был готов и к этому. Он не стал лишней раз пугать Изабель, опровергая ее версию, будто тела, которые она видела, остались от прошлых операций. Те тела, ставшие бесполезными, он уже давно похоронил. Эти же были новыми, приобретенными им про запас как раз на тот случай, если стабильного состояния Изабель снова не удастся добиться. Оба тела были также куплены им у палачей; женщин казнят не так уж часто, так что Синяя Борода предпочел сделать двойной запас, как только представилась возможность. Обе были казнены за мужеубийство, что, понятно, ничуть его не волновало - главное, что оба тела были здоровыми и годились для пересадки.

Получится ли добиться стабильности хотя бы на этот раз? Вновь в голове барона мелькнула мысль, которую он всякий раз гнал от себя - мысль об Анне. То, что две девушки - сестры, он понял с первого же взгляда на них, а впоследствии анализ мазка с бокала Анны это подтвердил. Конечно, матери у них разные, но тем не менее. Шансы на успешную трансплантацию без отторжения радикально повышаются, если донор - кровный родственник. Правда, на тот момент барон делал анализ лишь из простого любопытства. Он не мог предвидеть, что Изабель понадобится трансплантация, тем более - такая. А к тому времени, как случилось это несчастье на охоте, Анна уже уехала. Но если бы... неужели он бы решился? Неужели он бы смог убить ни в чем (ну кроме разве что любви к сплетням) не повинную девушку, чтобы спасти свою жену? Кстати, Анну в принципе все еще можно вызвать письмом в поместье. Если снова предложить ей денег, она, наверное, не откажется приехать, несмотря на все свои предубеждения... Нет, нет, нельзя даже думать об этом! Он же член общества Гермеса, а не один из этих варваров!

Цзабель проснулась от ужаса.

Некоторое время она лежала неподвижно, глядя округлившимися глазами в озаренный утренним солнцем потолок, не понимая, в каком из миров находится. Но когда тени кошмара, терзавшего ее во сне, истаяли и выскользнули из памяти, спокойствие не вернулось. Напротив – осталось сосущее-леденящее чувство, что страх ее не был порожден дурным сном, а как раз напротив – сон ее был отражением чего-то страшного, в действительности случившегося накануне. Цзабель вновь прикрыла глаза с тем мучительным чувством, каковое всегда испытывает человек, сляющийся вспомнить нечто важное – когда кажется, что нужное воспоминание совсем рядом, однако оно продолжает ускользать. И тут она вспомнила! Вспомнила ужасающий образ – два обезглавленных женских трупа, висящие на стене в подzemелье. И синяя борода ее супруга, склонившегося над нею – он нашел ее там, он знает, что она нарушила запрет! Все остальное по-прежнему тонуло в тумане. Кажется, он что-то говорил ей... что-то о какой-то секте врагов Христа, которая приносит женщин в жертву языческим богам с античным времен... И он не боялся рассказывать ей об этом, ибо знал, что она станет следующей. Он отрежет ей голову и повесит ее тело рядом с трупами его прежних жен... О, как она была глупа, что не слушала предостережения Анны! И кстати – жива ли Анна? Что, если Синяя Борода солгал, будто она уехала, а на самом деле убил и ее тоже? Ведь письмо, полученное яковьи от нее, было написано не ее рукой... Да, все сходится один к одному! Цзабель поняла, что жить ей остаются считанные часы. Бежать – но как? Преданные слуги Синей Бороды не выпустят ее из замка. К тому же – поднявшись с постели, она почувствовала слабость и головокружение. Должно быть, он чем-то опол ее, оттого она так плохо помнит предыдущий день...

Тем не менее, Цзабель решила, что станет бороться за свою жизнь. Она подошла к окну. В тяжелой деревянной раме открывалась лишь верхняя часть, куда можно было разве что просунуть руку – да и в любом случае нечего было и помышлять о том, чтобы спуститься с такой высоты. Но в тот

же миг Цзавель поняла, что Провидение не оставило ее своим попечением, ибо увидела повозку крестьянина, который обыкновенно доставлял в замок сыры со своей фермы. Вот и сейчас он ехал по дороге, очевидно, с той же целью. Цзавель метнулась к столу, взяла перо и бумагу и быстро написала послание своим братьям о грозящей ей ужасной опасности. Сложив письмо, она сделала надпись с обратной стороны, а затем сняла с пальца свое золотое обручальное кольцо и продела в него письмо, свернутое в трубочку. Надпись, на всякий случай повторенная ею с внешней стороны по-бретонски и по-французски, помимо адреса, гласила: "Доставьте мне письмо как можно скорее, и получите втрое большую награду." Цзавель не была уверена, насколько хорошо крестьянин умеет читать, но понадеялась, что золотое кольцо побудит его, по крайней мере, отыскать того, кто умеет.

К тому времени, как она вновь подбежала к окну, крестьянин уже получил свою плату и тронулся в обратный путь. Цзавель размахнулась и со всей силы метнула кольцо с вложенным в него письмом в окно. Оно упало прямо под копыта крестьянского мула, ярко сверкнув на солнце; сыровар остановился и подобрал послание.

И в тот же самый миг в дверь спальни постучали, и Цзавель услышала зовущий ее голос Синей Бороды! Она обмерла от ужаса, но затем, прокрадываясь на цыпочках обратно к постели, ответила слабым голосом, что плохо себя чувствует с утра и просит ее не беспокоить. То была, конечно, весьма ненадежная уловка против человека, вознамерившегося ее убить; однако Синяя Борода не стал настаивать и лишь спросил, помнит ли она вчерашний день. Цзавель еще более побледнела от страха при сем прямом намеке и поспешно ответила, что не помнит ровным счетом ничего – уловка, несомненно, еще более жалкая. Но Синяя Борода и на сей раз не выказал ни удивления, ни гнева и лишь сказал, что пришлет Елену присмотреть за вольной, пока той не станет лучше. Цзавель поняла, что казнь ее, по всей видимости, назначена на полночь, когда обыкновенно и вершатся все сатанинские ритуалы, а до того времени черная турчанка (или кем там была Елена на самом деле) будет

следить за намеченной жертвой, дабы пресечь любые ее попытки к спасению. Однако придумать благовидный предлог, дабы отказать от этой нежеланной опеки, Цзавель уже не смогла и вынуждена была весь день оставаться в постели, изобразя больную (для чего, впрочем, ей не потребовалось особенных усилий). Время от времени, не в силах выносить муку ожидания, она просила Елену посмотреть в окно, не видно ли там чего примечательного (подразумевая скачущих ей на выручку братьев). Но Елена (не говорившая ни по-бретонски, ни по-французски, однако понимавшая обращенную к ней речь) всякий раз лишь отрицательно качала головой.

День уже подходил к концу, а братьев все не было; и вот когда закатное солнце уже коснулось верхушек деревьев, а Елена в очередной раз покачала головой, в спальню вновь вошел Синяя Борода и спросил жену, не стало ли ей лучше. Цзавель лишь пролепетала, что ей сделалось только хуже (в тот миг она и в самом деле была едва жива от страха). Синяя Борода пробормотал что-то вроде: "Кажется, процесс развивается еще быстрее, чем я опасался", а затем громко добавил: "В таком случае, вам надо спуститься в лабораторию. Я и Елена поможем вам сойти вниз."

Цзавель поняла, что, как видно, он не собирается ждать до полуночи, а намерен принести ее в жертву на закате. "Прошу вас, месьсир, - взмолилась она, - дайте мне еще семь минут, чтобы помолиться!" Синяя Борода удивленно нахмурился и, кажется, собирался ответить, что в этом нет никакой необходимости, но затем, видя отчаянную мольбу в ее взгляде, согласился.

Цзавель опустилась на колени, но ее взгляд был устремлен не столько к висевшему на стене распятию, сколько к окну, где медленно гас последний солнечный свет - а вместе с ним угасала и ее надежда.

"Ну, вы закончили?" - спросил, наконец, Синяя Борода. Тогда Цзавель, собрав последние силы, вскочила и, оттолкнув Елену, сама устремилась к окну, где в этот самый миг истаял над лесом последний краешек закатного солнца. Но в то же мгновение она увидела в наступающих сумерках, как вьется пыль над дорогой, по которой скачут во весь опор к замку два всадника! Нервное

напряжение Цзавель было столь велико, что она лишилась чувств (что вообще было делом нередким для дам и девиц того времени) – и упала прямо на руки Синей Бороды. Подхватив ее, он понес ее вниз.

Меж тем братья Цзавель, прискакав к воротам замка, принялись стучать и кричать, что им необходимо срочно видеть сестру. Привратник, знавший, кто они такие, и не получивший от хозяина никаких предостережений на сей счет, впустил их. Оттолкнув его, они устремились дальше по коридору и как раз успели увидеть, как Синяя Борода спускается в подземелье с бесчувственной Цзавель на руках. Они поспешили за ним и настигли его как раз на пороге ужасной комнаты, где за стеклом висели (а точнее, плавали в некой прозрачной жидкости) обезглавленные женские тела, а на металлическом столе разложены были жуткие блестящие инструменты, достойные палача. Обнажив шпаги, братья бросились на своего зятя (который не мог ни бежать, ни сопротивляться, ибо держал на руках Цзавель) и убили его на месте. Затем, подхватив бесчувственную сестру, они поспешили прочь из этого проклятого места, пока слуги Синей Бороды не успели опомниться.

Когда Цзавель привезли в родительский дом, она все еще не пришла в себя; напротив, у нее развилась горячка – очевидно, на почве пережитых потрясений. Братья препоручили больную заботам Анны (которая, несмотря на свой бойкий нрав – а может быть, как раз по причине такового – так и не вышла замуж), а сами обратились к поддержке закона. Но, когда два дня спустя они снова явились в имение Синей Бороды с нотариусом и солдатами, дабы от имени сестры вступить в права наследования, на месте замка обнаружили одни лишь обгорелые руины. Все золото и все сокровища Синей Бороды исчезли без следа, и общее мнение было таково, что, коль скоро эти богатства были приобретены колдовским путем, после смерти нечестивца дьявол снова забрал их. Никого из слуг Синей Бороды в тех краях тоже больше не видели.

Цзавель так и не пошла на поправку и лишь вормотала в бреду некие странные вещи, пересказывать которые негоже доброму христианину. С каждым днем ей становилось все хуже и, наконец, на девятый день от своего

освобождения она умерла смертью жуткой и загадочной: шептались, будто бы голова ее сама собой оторвалась от тела. Мать Цзавель, не выдержав потрясения, скончалась сразу же после похорон дочери, причем перед этим все твердила, что тело Цзавель (и именно тело, но не голова) на самом деле принадлежит вовсе не ее дочери. По всей очевидности, несчастная женщина попросту повредила от горя в рассудке.

Что касается братьев Цзавель, то старший из них исхлопотал себе чин капитана в армии герцога Бретонского и в следующем же году был убит в некой стычке, столь незначительной, что она не вошла в исторические хроники. Младший же его брат еще год спустя скончался от дурной волези. Таким образом, финальные подробности этой мрачной истории не могут безусловно приниматься на веру, ибо они известны нам только со слов Анны, а она была известная мастерица приврать.

MMXX

